

Характеризуются советское пространство и три его состояния, его устойчивые особенности, эволюция отношений между городом и деревней. Рассматривается значение производства для советских городов, анализируется эволюция социальной структуры советского общества. Описываются изменение роли советского архитектора и архитектурного языка, влияние опыта послевоенного Запада. Устанавливаются особенности постсоветских городов РФ, связь бизнеса, власти и общества. Подчеркивается факт отсутствия системности в постсоветской практике пространственного социального развития. Намечаются пути дальнейшего изменения структуры российского пространства.

Ключевые слова: советский город; деревня; пространственное развитие; архитектура; инфраструктура; агломерация. /

Andrey Bokov explores the Soviet space and its three stages, its stable characteristics and evolution of relationship between a city and a village. He evaluates the significance of production for Soviet cities and analyzes the evolution of the social structure of the Soviet society. Bokov highlights the changes in the role of Soviet architects and architectural language and the impact of the post-war experience of the West. The author identifies specific characteristics of post-Soviet cities of the RF and the relationship between business, power and society. He underlines the lack of systematic approach in the post-Soviet spatial and social development. He suggests possible ways for further transformation of the structure of the Russian space.

Keywords: Soviet city; village; spatial development; architecture; infrastructure; agglomeration.

Негород. Часть 2 / Noncity. Part 2

текст

Андрей Бокков /

text

Andrey Bokov

V. Город СССР

Революция радикально изменила облик российского пространства. Огромная страна стала предметом проектирования и местом воплощения иной реальности. Идеи советского проекта были не всегда оригинальны и адекватны, но зато безальтернативны, предельно масштабны и охватывали все пространственные слои от страны в целом до дома и квартиры. Очевидная утопичность моделей и концепций сочеталась с прагматичностью исполнения. Советское пространство, пребывавшее на протяжении всей истории в трех разных состояниях – «революционно-авангардистском», «неоимперском» и «модернистском», упорно хранило ряд устойчивых и неизменных особенностей, резко отличавших его от пространства предшественников и современников.

СССР не просто продолжил политику империи по освоению Арктики, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии, но в значительной мере перенес внимание с центра на периферию.

Предпочтение отдавалось задуманным еще до революции большим инфраструктурным проектам, обеспечивающим единство гигантских территорий. В дополнение к сети железных дорог возникают единая энергосистема, сеть авиационного сообщения, сеть водных путей, включая Севморпуть с инфраструктурой, легендарные каналы и многие другие «стройки коммунизма», ныне либо забытые, либо утратившие актуальность. Видимый след оставила уникальная, так до конца и не реализованная единая социальная инфраструктура, гарантирующая право на бесплатное жилье, бесплатные медицину и образование.

Все отведенные ей семьдесят лет советская власть с переменным успехом боролась с буржуазным городом, доставшимся ей по наследству и продолжавшим существовать наряду с «частнообшественнической» деревней. Вся земля с пребывающей на ней недвижимостью прямо или опосредованно перешла государству. Складывавшаяся столетиями культура землепользования и организации пространства была разрушена. Государство и его структуры стало главным и единственным субъектом градостроительной деятельности. В соответ-

ствии с классовой теорией город становился цитаделью пролетариата, а деревня – оплотом нового колхозного крестьянства. Но в заботах о создании дружной семьи рабочих и крестьян советская власть не скрывала своих симпатий к городу, прежде всего к большому городу, где находились институты власти.

Развитие советского города как индустриального, промышленного сопровождалось консервацией и деградацией традиционного малого города и деревни, их селекцией, сжатием и ликвидацией. Границы между городом и деревней, начавшие было сглаживаться в итоге аграрной и земской реформ, а также в короткий период НЭПа, вопреки лозунгам и декларациям продолжали упорно сохраняться и были трудно преодолимы. Деревня, ставшая источником рабочей силы для промышленности, ресурсом развития и существования большого города, критиками советской власти нередко называлась «внутренней колонией». Коллективизация, с одной стороны, поставила деревню на грань выживания, а с другой – сдерживала массовый исход ее жителей институтом прописки. В советском лексиконе слово «деревня», «деревенский» стали в итоге синонимами второсортности и отсталости. Мечты о создании крупных сельскохозяйственных предприятий и агрогородов, попытки организации сельхозпроизводства на манер промышленного, по сути, были приговором деревне. Конец деревни автоматически означал конец и малого российского города, уездного или районного, бывшего рынком и центром для окрестных деревень, основой системы расселения «ядерных», центральных территорий империи.

В соответствии с официальной советской доктриной именно производством становится главным и единственным градообразующим фактором. Ни до, ни после советских времен судьбы городов и деревень не были в такой степени подчинены интересам производства, продукция которого потреблялась в первую очередь самим государством и его институтами, и лишь малая ее часть распределялась «среди населения», солдат и офицеров «трудовых армий».

Создание трудовых армий и трудовых коллективов привело (параллельно с ликвидацией рынка товаров и услуг) к ликвидации рынка труда. Трудовые коллективы, возглавляемые и ведомые партийными, становятся

главными структурными единицами советского общества; общественная жизнь переносится «на работу». Прежние соседские связи, связи по месту жительства утрачивают значимость, а коммунальные квартиры не превращаются в коммуны. Место церкви и публичных заведений, вокруг которых до революции формировались локальные сообщества, занимают стандартная школа и партийно-советское учреждение с пустынной площадью, оживающей в дни демонстраций трудящихся. Видимым, осязаемым следствием отказа от рыночных отношений и запрета малого бизнеса становится свертывание сферы торговли и услуг, падение значимости улиц и первых этажей, сжатие пространства свободного, нерегламентированного общения и публичной жизни. Строгое распределение и жесткие ограничения благ, обусловленные состоянием перманентного дефицита, на практике приводили к отступлению от принципа равенства. Бесклассовое общество оказалось заметно дифференцировано и «стратифицировано» по принципам, близким к армейским.

Особое внимание советская власть уделяла столице, столицам республик и субрегионов. Столица становится витриной страны, главной резиденцией начальства, примером и образцом для других городов. Жизнь в столице и в большом городе обоснованно считалось привилегией, доступ к которой строго регулировался пропиской, лимитом, контролем миграции и временных перемещений.

Столица и большие советские города не были бы таковыми, если бы не стали средоточием самых крупных и важных предприятий, сборочными цехами, к которым тянулись производства, находившиеся в самых удаленных местах необъятной страны. Крупные предприятия, реконструируемые и новые, оказавшиеся на периферии большого города, вместе с окружавшим их жильем образовывали относительно завершенные, закрытые социально-пространственные единицы. Образования, состоящие из предприятия и селитбы, т. е. четко поделенные на две зоны, принадлежащие одному трудовому коллективу, именуемые когда-то «соцгородом», а сегодня «моногородом», легко приобретали пространственную автономию и отрывались от большого города. Они возникали в местах добычи ископаемых, у источников энергии, в новых и старых стратегически важных точках. К финалу советской власти агломерированные и автономные соцгорода и их компоненты в виде промзон и селитебных зон заняли доминирующее положение в системе расселения.

У соцгорода или индустриального советского города, у новых промышленных районов больших городов были предшественники, которые в социальном и пространственном отношении оказывались между городом и деревней, объединяли черты и городского, и сельского состояний. Их жители занимались отходничеством, надомничеством, работали сезонно или круглый год на мануфактурах и при этом возделывали землю. Образования такого рода, именовавшиеся фабричными деревнями или «слободами», имели зачатки самоуправления.

Их наследник соцгород не имел действенного самоуправления, его жители не были ни субъектами средоформирования, ни самостоятельными хозяйствующими субъектами. Советскому рабочему было «не к лицу» заниматься сельским хозяйством: продовольствием его обеспечивали колхозы. Подсобные хозяйства заводов и пригородные участки, отводимые работникам, были вынужденными и «временными» уступками. Устойчивость, которую старой слободе обеспечивали приусадебные хозяйства, новой слободе была несвойственна. В итоге соцгород оказался парадоксальным образом вывернут наизнанку: его центром и единственным источником жизни оказался завод, а традиционный рынок либо отсутствовал, либо был маргинализован и вытеснен на периферию. За редким исключением соцгород не породил ни местных сообществ, ни собственной культуры,

сопоставимой с культурой или субкультурой городских «низов», слобод и окраин дореволюционного города.

Особенностью соцгорода и его производных становится сочетание двух трудно уживающихся черт – замкнутости, изолированности, обособленности от непосредственного окружения и очевидной несамостоятельности, несамодостаточности, прямой зависимости от внешних сил и внешнего управления. Если старая слобода была одновременно и городом, и деревней, то в новой советской редакции она не была ни городом, ни деревней. При этом «советская слобода», в отличие от предшественницы, в конечном счете вобрала основную часть населения страны, ушедшую из деревни, но так и не дошедшую до города.

Соцгород с его феноменологией были предметом осознанного выбора, одним из главных советских проектов, в основе которого лежала леворадикальная, модернистская модель. За семьдесят лет было предложено и реализовано множество версий этой модели – от лагерей и военных городков до наукоградов, от рабочих поселков и поселков «городского типа» до городов-спутников и спальных районов.

Советский город, в отличие от его дореволюционного предшественника и зарубежного соседа, был городом без граждан, т. е. тех, кто платит налоги и строит дом для себя. Все, чем располагали горожане, являлось «подарком» власти и строителей, занятых созданием городов «для другого» – для нарисованного воображением усредненного «советского человека», лишённого принципиальных различий.

С ликвидацией рынка земли и городского жилья, с уходом института домовладельцев квартиры и квадратные метры становятся распределяемым благом, а их обитатели субсидируемы государством арендаторами. Статус арендатора не предполагал подвижности граждан; занимаемая жилплощадь обычно оказывалась первой и последней в жизни.

Принятие государством на себя ответственности за обеспечение граждан коллективным жильем недавним «жителям» деревень было воспринято как нечто правильное и должное. Причина тому – традиции общинной жизни, зависимости от власти и владельца земли, наконец, привычка не считать жилье торгуемым товаром.

Советский социалистический город во всех его ипостасях был прост и универсален. Этому соответствовала постоянная мобилизационная настроенность, требовавшая простого и строгого уклада. Такой пространственный уклад как нельзя лучше обеспечивался инструментарием технологического проектирования, отработанным при создании крупных промышленных предприятий. Селитебные зоны становились, по сути, продолжением или обеспечением конвейерного и массового производства.

Реальный советский мир неминуемо распадался на огромный массив вынужденных и необходимых временных мер и ограниченное число шагов, демонстрирующих образ «светлого будущего». Рядом с Домом промышленности в Харькове, с центром Свердловска, с клубом ЗИЛА, с послевоенными высотными домами или комплексом Нового Арбата – со всем, что было посвящено великому культу будущего, – быстро, без претензий на качество сооружалось нечто временное, «однодневное», не рассчитанное на присутствие в завтрашней жизни. Утопия и антиутопия оказывались прочно связанными и взаимозависимыми. Жестко регулируемые города отбрасывали обширную тень в виде трупов и баграков. Но и сами города, бывшие предметом внимания, на практике оказывались не идеальными и гармоничными поселениями, а набором фрагментов, основанных на взаимоисключающих принципах.

Трехкратная смена государственной градостроительной политики, случившаяся после революции, затем в середине тридцатых и в середине шестидесятых годов, не предполагала преемственности и уважительного отношения к трудам предшественников. Традицией стал отказ от традиций и преемственности.

Советский город был лишен не только памяти и истории, интерес к которой стал пробуждаться лишь в последние дни его существования, но и индивидуальных различий, обнаруживаемых скорее вопреки проводимой политике, чем благодаря ей.

Пространство имперской России развивалось в соответствии с общемировыми нормами и трендами, адаптированными к культурным особенностям и устойчивым историческим традициям. СССР, выбравший альтернативный путь развития, отказался от следования общим правилам, сосредоточился на частных заимствованиях, на конкретных технологиях и инструментах, которые воспроизводились без попыток культурной адаптации. Заводы, спроектированные Альбертом Каном, или пятиэтажки, подсмотренные у французских компаний, казались особо привлекательными в силу их радикальных отличий от складывавшихся годами российских прототипов.

Трансформации подвергся не только город, но и его создатели – архитекторы и градостроители, ставшие исполнителями воли власти и едва ли не главными ее партнерами при решении как прагматических, так и репрезентационных задач. Советское государство на разных этапах его истории по-разному выстраивало отношения с архитектором, всякий раз оказываясь для него требовательным, но не худшим в сравнении с частными лицами, заказчиком. Утратив сначала «идеологическую», затем организационную и экономическую самостоятельность, архитектор-профессионал получал взамен право участия во всех государственных проектах, меняющих облик гигантской страны.

Вклад в облик каждого из трех этапов советской истории далеко не равнозначен, да и основополагающие принципы интерпретировались на разных этапах по-разному. До середины 1950-х годов национальный ландшафт, как и среда большинства городов, претерпевали болезненные, заметные, но точечные, локальные трансформации; «глубинная» страна продолжала жить не выше второго этажа. Новые районы больших городов и новые соцгорода были островами другого мира в безбрежном «деревенском» или полудеревенском окружении. Советская жизнь более тридцати лет располагалась лишь в отчасти измененном пространстве империи, а реалиями этой жизни были коммуналка в бывшей барской квартире и колхозное поле вместо общинной земли.

Переломными стали хрущевские реформы. Последняя «хрущевско-брежневская», «модернистская» версия города принципиально отличалась от сталинской версии. Хрущев стремился к созданию очевидной альтернативы тому, что создавал предшественник, неожиданно для многих объединивший левую, коммунистическую риторику с консервативной, академической архитектурой, по факту мало отличимой от той, что господствовала в капиталистическом мире. Реконструкция Москвы и послевоенное восстановление опирались на концепцию города парадных магистралей, города-памятника победам, бывшего эмоциональным, символическим, «высоким» посланием жителям коммуналок. По плану 1935 года столица СССР одной из последних в Европе становилась городом-ансамблем, бросая вызов главным конкурентам – Риму и Берлину. Хрущев выбирает новые ориентиры: ими становятся районы массовой застройки послевоенной Европы. Советский человек, бывший независимым от семьи персонажем, отдававший все силы и время производству, проводивший краткий досуг на собрани-

ях, в рабочем клубе и на стадионе, удовлетворявшийся койкой в общежитии или «куглом» в коммуналке, наконец оказывается человеком семейным, которому государство готово дать квартиру.

Новая пространственная модель полностью сменила архитектурный язык, заодно выведя архитектуру из сферы культуры и подчинив строительному комплексу, перед которым ставилась задача создания с «нуля» индустрии массового жилища. Гражданское строительство, строительство жилья, считавшееся до этого времени делом далеко не главным, переходят в категорию государственных приоритетов и обзаводятся собственным штабом под названием Госгражданстрой. При этом архитекторы и градостроители, стоящие во главе этого комитета, подчиняются суперведомству по имени Госстрой СССР, где главной фигурой становится советский строитель, лишенный особых эмоций, практик и прагматик.

Версия соцгорода, пришедшая на волне «оттепели», встреченная с энтузиазмом свидетелями и участниками обновления, была новой и оригинальной лишь в глазах советских граждан. К решению давно назревшей жилищной проблемы страна приступила намного позже ее западных конкурентов, чей опыт впервые за многие годы перестал считаться абсолютно токсичным. На основании жесткой селекции этого опыта была выстроена единая модель, которой надлежало следовать городу и деревне, центру города и его периферии, северу и югу, востоку и западу огромной страны. Следуя этой модели, соцгород приобретал четкие очертания, закрепленные в нормах и правилах обязательного исполнения. Эти нормы впервые гарантировали каждому гражданину СССР строгий набор необходимых услуг и квадратных метров жилплощади, а главными инструментами обеспечения этих гарантий становятся многоквартирный жилой дом и микрорайон.

У советского микрорайона, мало напоминающего традиционный город, не было ни конкурентов, ни принципиального неприятия обществом. Принятие, привыкание к этой модели не в последнюю очередь было связано с сохранившейся памятью о деревне недавних горожан с их особым «аграрным», негородским ощущением пространства. Подлинным горожанином советский человек так и не стал и не мог стать. Живительное общение с деревенскими родственниками, бабушками и дедушками, легендарные шесть соток, обеспечивающие на зиму картошкой, дача, без которой жизнь в коммунальной квартире становилась бы непрерывным испытанием – все это было проявлением тесных и естественных связей с деревней.

Но источником вдохновения во времена оттепели были не романтические картины сельского прошлого и даже не риторика Афинской хартии, но конкретный опыт послевоенного Запада, позволявший начать все с чистого листа, на новом месте и по-новому. Советский город 1960–1980-х годов при ближайшем рассмотрении оказывается гибридом, собранным из двух заимствованных компонентов. Градостроительный планировочный компонент складывался под влиянием британских городов-садов и городов-спутников со свободной планировкой и микрорайоном, а прототип дома был найден на континенте, во Франции. Британский коттедж и таун-хаус явно не встраивались в общий ряд с общежитиями и коммуналками, поэтому выбор предсказуемо пал на коллективный, многосекционный, панельный дом.

Между зарубежными модернистскими прототипами и их советскими клонами при видимом сходстве существовало неизбежное и принципиальное различие. Город-сад и спутники Лондона становились самоуправляемыми муниципалитетами, соседствами, сообществами ответственных владельцев самого разного жилья,

а не местом проживания арендаторов одинаковой госсобственности. В свою очередь послевоенная французская программа строительства социальных многоквартирных домов осуществлялась как временная и адресная, не предполагающая превращения этих домов в нечто постоянное, т. е. в дома для всех и на всю жизнь.

Несмотря на непризнание фактов заимствований, СССР парадоксальным образом оказался самым настойчивым и упорным адептом идеалов и принципов модернизма, постепенно утрачивавших свое влияние в мире. Неуклонно терявшие сходство с базовыми прототипами, советские дома и микрорайоны не предполагали «немодернистской» альтернативы.

Более того, типовой дом и принципы свободной планировки успешно проникли в центр города, разуплотняемый и освобождающийся от коммуналок. Поощряемыми и популярными становятся отступления от красных линий, разрушение периметра кварталов, жилые первые этажи и точечное размещение в центре типовых домов. Типовые панельные пятиэтажки первых поколений, поначалу сопровождаемые деревьями и кустами, быстро сменяются все более рослыми, тесно стоящими блоками с редкими и скудными признаками благоустройства. Мечта о «домах-кораблях», омываемых светом и воздухом, утопающих в зелени, обернулась реальностью вертикально поставленных, закрывающих небо домов-кварталов. Превращение дома в «машину» сделало город большой многоуровневой парковкой, ставшей более заметным и распространенным признаком советского мира, чем гидроэлектростанции и химкомбинаты.

Панельный дом и спальные районы бескомпромиссно изменили культурный ландшафт страны. Баланс старого традиционного, естественного, создававшегося столетиями материала и нового, искусственно произведенного, в считанные годы необратимо меняется в пользу последнего. Страна становится решительно непохожей ни на себя в недавнем прошлом, ни на своих соседей.

Героическая попытка государства решить жилищную проблему без активного участия граждан обернулась борьбой и гонкой за квадратными метрами «любой ценой». Результатом этой борьбы стали дегуманизация и неполноценность «среды жизнедеятельности». Крайняя зарегулированность, ригидность правил, падающая эффективность «командно-административной» системы породили невиданный ранее рукотворный хаос, видимый каждым и трогательно воспетый в фильме «Ирония судьбы».

Прозвучавшие в последние годы советской власти робкие призывы к «городу для людей» изменить ситуацию не могли. Советский градостроительный маневр, градостроительная «загогулина», уведшая пространство страны в сторону от нормальных и естественных путей развития, оставили слишком много трудно преодолимых тяжелых последствий.

VI. Город РФ

С распадом СССР и завершением советского проекта логичным было бы появление другой модели российского пространства и иной стратегии пространственного развития. Специфическое толкование глобальных трендов и последовательное игнорирование природы национального пространства привели к отставанию от конкурентов, к видимым деформациям и диспропорциям. Преодоление этого состояния, возвращение к нормальности, в мировой «мейнстрим», возрождение культурного ландшафта – все то, что могло бы сопровождать растущую строительную активность недавних десятилетий, не стало актуальным.

Впервые за 400 последних лет пространственное развитие перестало быть приоритетом внутренней политики и предметом публично заявленных целенаправленных действий. Исчезли институты пространственного развития, бывшие заказчиками и потребителями, создателями и воплощателями концепций и моделей. Управление пространством оказалось не встроенным в управленческую вертикаль; реализуемая на практике модель пространства не описана в официальных документах вроде стратегии или доктрины, носит не вполне отрефлексированный характер и едва ли осознается как «модель» даже самими ее носителями и имплементаторами.

Поэтому картину того, что происходит с инфраструктурой и субстанциями на всех уровнях, придется собирать как некий пазл из отдельных фрагментов. При этом пустоты пазла могут оказаться не менее красноречивыми, чем заполненные участки.

Надежда на то, что пространственное развитие отныне будет разумно и эффективно, саморегулироваться или регулироваться свободным рынком, не оправдалась. Ни рынок, ни состояние российского пространства к этому не располагали. Вакуум, образовавшийся там, где в советские и имперские времена господствовали государство и ответственные хозяйствующие субъекты, заполнили местная и региональная власть, объединившаяся с узкоотраслевым, локальным строительным бизнесом.

Российский застройщик, прямой наследник советского стройкомплекса, оказался более заинтересованным и подготовленным к работе с пространством, чем власть и общество, утратившее в советские времена ощущение своей субъектности и ответственности за собственное окружение. Перегруппировавшийся стройкомплекс сосредоточился не на железных дорогах и автомагистралях, не на ресурсосбережении и «зеленых» технологиях, а на дефицитном жилье для возникшего имущего класса. С появлением рынка жилья и снятием ограничений на переезд в большой город бизнес получил доступ к ренте с относительно развитой, давно сформировавшейся и крайне дефицитной городской инфраструктурой. Квадратный метр в большом доме в большом городе, мало отличимый от советского метра, стал доминирующим продуктом стройбизнеса, а сам стройбизнес не сильно отличим от советского стройкомплекса, предлагавшего один-единственный продукт.

Отечественный застройщик, избавленный от серьезной внутренней конкуренции, организованный скорее по советским, нежели международным лекалам, трудно представим на внешних рынках. В отличие от российского автопрома, общепита и торговли, даже в отличие от промышленного и офисного сегментов строительного бизнеса, вполне соответствующих мировым стандартам, строительство массового жилья успешно сопротивляется обновлению, оставаясь на этапе шестой модели «Жигулей».

Бизнес, процветавший недавно на многоквартирных домах и сегодня испытывающий очевидные трудности с реализацией, остается главным партнером и территориальной, и отраслевой власти. Власть по-прежнему склонна доверять этому бизнесу в решении и жилищного вопроса, и вопросов пространственного развития. Нынешний застройщик не только удержал контроль над архитектурой и градостроительством, переданный ему по наследству советским стройкомплексом, но стал идеологом и главным субъектом практики градостроительства, т. е. достиг высот, советскому стройкомплексу недоступных.

Застройщик привнес в модель пространственного развития свою этику и систему ценностей. Цели получения прибыли потеснили цели достижения социальной

справедливости и всеобщего блага. Упоминание о всеобщем благе исчезло из Градкодекса вместе с надеждами на появление «стандарта благополучия», современной версии общегосударственных единых пороговых нормативов обеспечения советских граждан жильем, местами в кинотеатрах и койками в больницах. Цели получения немедленной прибыли существенно снижают интерес и к анализу последствий предпринимаемых шагов, к планам, прогнозам и перспективам; «быстрый успех» сегодня, здесь и сейчас приобретает самоценность, становится важнее и «картины будущего», и будущего как ценности и цели.

Работающие с пространством бизнес и власть не испытывают нужды в помощи профессионалов, планировщиков, градостроителей, архитекторов, плохо ощущают смысл проектирования, с недоверием относятся к научному знанию и предпроектным исследованиям. С ликвидацией советских научно-исследовательских и проектных институтов научная деятельность, которая переживает в мире состояние подъема и является неотъемлемой частью культуры управления, в РФ стала затухать.

Причиной и следствием этого состояния становятся фрагментация действительности, сведение сложного к простому, целого к сумме частей. Целостное и системное отношение к пространству вытесняется набором фрагментов и ситуативных действий или «ручным управлением». Постсоветская модель открыта для неожиданных, невязанных и труднопредсказуемых событий вроде появления Новой Москвы, тотального благоустройства улиц, реновации и т. п., аргументы в пользу которых обычно предъявляются в процессе воплощения. Фрагментарное сознание не испытывает неудобств от того, что пространственным развитием заняты около десяти различных министерств, что генпланы пребывают в ведении Минэкономразвития, а ПЗЗ занимается Минстрой и т. д.

Фрагментарность, расчлененность картины мира приводит к недооценке связей, инфраструктуры, объединяющей, обеспечивающей непрерывность и целостность пространства. Неочевидная прибыльность строительства дорог и инженерных сетей в сочетании с давней, традиционной нелюбовью к перекресткам и дорогам затрудняет, блокирует тему инфраструктурного преобразования, перехода к Третьей модели страны и города. Создание современной магистральной инфраструктуры по-прежнему рассматривается в ряду других задач, без понимания принципиальной роли связности как условия нормальной жизни и развития.

Особенностью все большего числа материалов, касающихся пространства, становится отсутствие традиционных, привычных для профессионалов изображений – карт, схем и планов. Физическая реальность все чаще описывается и моделируется цифрами и словами, языком урбанистов, экономистов и юристов, потеснивших в роли партнеров власти и бизнеса градостроителей и исследователей города. Новое управленческое сознание явно предпочитает расплывчатость и неопределенность и строгости плана. План, генплан, ПЗЗ как инструменты порядка, да и сам пространственный порядок как таковой не ощущаются нормой и необходимостью, все чаще представляются препятствиями и барьерами, мешающими бизнесу.

Понимание российского пространства, его масштабов и устройства, которым были наделены выдающиеся реформаторы вроде Витте и пришедшие за ним советские начальники, видевшие страну единым объектом проектирования, во многом утрачено. Советские модели расселения и планы инфраструктурных преобразований,

вызывавшие зависть и попытки подражать, в постсоветской практике практически не встречаются.

В СССР старательно поддерживался баланс между большими столичными городами и моногородами, между центром, республиками и регионами. Новая Россия однозначно предпочла большие города, главным и лучшим из которых стала Москва. Москва российской, в отличие от Москвы советской, не только лидер и образец, но другой, особый мир, не сходный с окружающим.

Вопреки популярным рассуждениям о существовании Московской и других агломераций, несмотря на внешнее сходство агломерации и большого города с окружением, их отличия очевидны. Нормальная агломерация – это партнерское сообщество, результат совместных целенаправленных усилий больших и малых поселений, создающих общую инфраструктуру. Это открытое для вступления, экстравертное, центробежное, расширяющееся образование без устойчивых границ. Большой российский город, обычно превосходящий по всем параметрам свое окружение, имеет четкие границы, интровертен, центростремителен и скорее усложняет развитие соседей, лишенных видимых преимуществ и обреченных на зависимость.

Управляемые и организуемые агломерации расчленены на части, пронизаны магистралями и полицентричны. Большой город и его окружение – почти сплошь застроенное пятно с одним центром. Уникальный шанс российской столицы приобрести новый центр на присоединенной территории Новой Москвы не был использован.

Развитие агломерации идет вдоль магистралей по радиальным направлениям, большой город приобретает все новые кольцевые пояса, плотные многоэтажные пригороды, придающие ему неестественную форму «кратера» или «воронки». В отличие от новых китайских городов – центров особых экономических зон, ставших «драйверами» развития регионов, а затем и страны в целом, роль большого российского города, его обязательства и очертания отчетливо не прописаны; по умолчанию он становится «вещью в себе».

Увлечение большим городом вытеснило, отодвинуло тему традиционного малого города и советского моногорода. Их судьба туманна, и интерес к ним возникает от случая к случаю.

Еще менее объяснимо невнимание к «новой российской деревне», к быстро растущим пригородам, к не прерывавшейся традиции загородного отдыха, жизни на даче, работы на садовых участках и огородах, пребывания в санаториях, домах отдыха и пионерлагерях, поездок к деревенским родственникам. Между тем эта традиция явилась предпосылкой неорганизованного, но массового движения из города. Превращение загородного жилища в основное, раньше знакомое лишь высшему звену советской партноменклатуры, стало доступно новому имущему классу, двинувшемуся на свою Рублевку и указавшего путь другим. Эти настроения и усилия огромного числа активных и дееспособных людей, по сути, возрождающих деревню, меняющих ее облик, странным образом не поддерживаются и не осмысливаются, не становятся поводом для отказа от пассивного ожидания «сжатия и ликвидации» обжитого усилиями многих поколений пространства.

Каждущие отвлеченными и малопонятными темы расселения, будущего города и агломераций сильно уступают в популярности тому, что принадлежит ближнему окружению и связано с темой жилья.

Российский застройщик предельно ограничил формы владения жильем, парадоксальным образом превратив советскую социальную квартиру в коммерческий продукт и продолжив строить то, что в других странах начали сносить и трансформировать. Практическое отсутствие

социального и арендного жилья, сдерживание малоэтажного и индивидуального строительства существенно деформирует российский национальный жилой фонд, усиливает его несоответствие и реальным потребностям людей, и норме, сложившейся там, где жилищная проблема решена.

Спальные районы и селитебные зоны, старые советские и новые российские, стагнирующие и реновируемые, вбирающие основной массив жилых квадратных метров, по сути, образуют «поле неопределенности», «ни город – ни село». Островами организованности в этом поле оказываются огражденные заборами жилые комплексы для состоятельных граждан и неогражденные этнические анклав.

Многие надежды на простое и быстрое решение сложной задачи успешного развития национального пространства возлагаются на оздоровление «городской среды». Повышенное внимание к среде было порождено впечатляющими «картинами» чужого благополучия на фоне деградации советского наследия и хаоса постсоветского времени. Ничем не сдерживаемая агрессия кустарного самостроя, засорившего пригороды и малый город, разгул застройщика, захватившего города размерами побольше, обрушили остатки градостроительной культуры.

В нынешнем лексиконе среда как понятие утратило и признаки культурного феномена, какой она рисовалась в 1970–1980-х годах, и отчетливые очертания, приданные ей в англосаксонской практике. Среда утрачивает естественность и уникальность, перестает быть итогом длительных процессов самодвижения и становится одномоментно производимым благоустройством, доступным для состоятельных граждан девелоперским приложением к квартире или щедрым подарком власти, вдохновленной картинами чужой жизни.

Большая часть перечисленных черт и особенностей модели пространственного развития носят латентный, неосознаваемый характер; видимых, заявленных деталей у модели немного, и все они по-прежнему добыты из двух источников – отечественного и зарубежного. В итоге скорее интуитивной, нежели взвешенной селекции из отечественного опыта более востребованным предсказуемо оказался опыт не досоветский, а советский, а из зарубежного набора предпочтение было отдано опыту не близкой к России континентальной Европы, а опыту далекой Америки.

Профессиональная и околопрофессиональная лексика наполнилась американизмами, наделяемыми, как правило, несовпадающими смыслами. Американское законодательство, более лояльное к бизнесу и безразличное к архитектуре, оказалось привлекательнее более строго европейского, а участие юриста и экономиста, характерное для американской жизни, оказалось более важным, чем привычное для Европы участие архитектора. Импортные приобретения сложились с бережно хранимыми с советских времен изобретениями вроде «типового проектирования» и коллективного дома. При этом советское наследие было лишено его социального пафоса, а американские заимствования избавлены от породившего их культурного и политического контекста.

Основной чертой, гарантирующей непротиворечивость, адекватность и целостность модели рукотворного пространства может считаться его принципиальная «нормальность», движение к сбалансированному, естественному состоянию пространств всех уровней – общенационального, регионального и местного.

Очевидным и неоспоримым является деление страны на две макрзоны – огромный «Север» с Арктикой, источник множества ресурсов, неблагоприятный для постоянного проживания, и почти вдвое меньший по размеру, освоенный и усвоенный юго-западный пояс. У макрзон разная инфраструктура, транспортная и инженерная, разная морфология расселения, и от единства, совместности и связности этих зон зависит качество целого. Сравнение развитости связей, насыщенности связями российского пространства и пространства сопредельных стран, Китая и ЕС, отчетливо и определенно указывает на необходимость преодоления инфраструктурных разрывов и перехода в другое состояние.

Надежды на «устойчивое развитие», о котором любят рассуждать экономисты и юристы, не вполне оправданы в ситуации отсутствия современной инфраструктуры. За переход к устойчивому развитию наши соседи расплатились упорным трудом по созданию новых дорог, портов и аэропортов, полностью изменивших их пространство. Российские «институты развития», сменившие советские НИИ, попросту просмотрели эти изменения и отличия.

Состояние инфраструктуры напрямую отражается на важнейших показателях, доходах населения, производительности труда, уровне образования, продолжительности жизни. Различия этих показателей для разных регионов – следствие их инфраструктурного неравенства и явление неутешительное; локальные; культурные различия в условиях инфраструктурного равенства – норма и благо.

Основными агентами, инициаторами развития становятся города с их окружением, по сути, не имеющие сегодня альтернативы агломерационному сценарию. Самое трудноисполнимое и сложно постижимое агломерационное правило сводится к одновременному, параллельному пространственному объединению и разделению инфраструктурных сетей, к объединению и разделению частей, зон и территориальных единиц, их фокусов и центров – административных, деловых и культурно-исторических.

Многолучевые, звездообразные агломерации с исходящими в радиальных направлениях линейными образованиями или полосами расселения длиной в несколько сот километров порождают сетевые системы, которые отчетливо прочтываются в структуре ЕС, в Восточном Китае и явно проступают в российском пространстве.

Сетевая связность, доступность быстрых и разнонаправленных перемещений выводят города из изоляции, открывают возможность трансформации моногородов в устойчивые многопрофильные кластеры, индустриальные парки и полигоны, а традиционным городам позволяют восстановить потенциал, накопленный за полвека после Земской реформы 1864 года и утраченной в годы советской власти.

Мегагломерационные линейные образования, природные и сельские территории, заключенные в ячейках магистральной сети, сегодня наполняются самыми разными видами «негородских» поселений – от старых деревень и дачных поселков до подобия американской субурбии, возникшей на новых землях. Россия вступает на путь субурбанизации и возрождения деревни на полвека позже Европы и Америки без поддержки и без заинтересованного участия большой власти и большого бизнеса, без подготовленной инфраструктуры и без перехода к массовому индустриальному строительству. Ежегодный ввод кустарными методами почти тех же объемов жилья, которые обеспечиваются при действенном участии власти строителями многоквартирных домов, – свидетельство огромного, нераскрытого потенциала «сельской альтернативы» Появление новых сервисов, новых технологий и систем инженерного обеспечения, рост транс-

портной доступности и преодоление искусственного дефицита земли поможет не только забыть о городской исключительности и решительно оздоровить всю структуру национального жилого фонда, но выведет «негород» в лидеры пространственного развития.

Уставшие и разочарованные горожане становятся строителями и архитекторами собственных домов, энтузиастами возрождения деревень, воссоздания усадеб и восстановления сельхозпроизводства. Из средоточия отсталости, дискомфорта и тяжелого труда российская деревня может превратиться в пространство все более благоустроенное и благополучное, располагающее к погружению в семью, к обретению счастливого детства и обеспеченной старости. Изменение пространственного поведения, связанное с пандемией, на глазах ускоряет этот процесс.

Негород, метафорическая деревня быстро становится и местом работы. Деиндустриализация города сопровождается реиндустриализацией деревни. Город забирает уникальное и кастомизированное производство; автоматизированное и массовое уходит в «новую деревню». Новая деревня дает надежду на возвращение в оборот заброшенных земель, на возрождение малого, семейного бизнеса, легализацию и развитие «гаражно-огородной» экономики.

Расширение и изменение рынка труда, удаленная работа, рост числа свободных профессий, рабочих мест с «мягким» режимом, увеличение доли «свободного времени», времени отдыха, путешествий, новых параллельных занятий размывает границы между трудом и отдыхом, работой и домом, резко повышает привлекательность и доступность природного окружения.

Появление «новой деревни», предпочтение «лидирующими группами» двух мест постоянного проживания – в городе и в деревне – свидетельство поляризации и концентрации жилья на двух средних полюсах. Поляризация означает сжатие и размывание «поля неопределенности», его реконструкцию и преобразование в город или деревню, поддержку и развитие на обоих полюсах смешанных соседств с разными формами владения жильем, с жильем разных ценовых категорий.

Реальное обновление жилого фонда означает движение от обезличенных квадратных метров и жилых ячеек к адресному, кастомизированному жилью, отвечающему реальным возможностям и потребностям разных групп, включая людей пожилых, неимущих, одиноких, нуждающихся в особых условиях и услугах. Благоустройство, именуемое средой, становится не приложением, а продолжением домов, обустроенной землей, которой необходимо вернуть утраченную ценность. Условием повышения качества открытых городских пространств становится восстановление культуры землепользования, понятных границ и размеров владений, их статуса и принадлежности. Власть, бизнес, общество, частное или юридическое лицо – каждый из них по-своему организует пространство, за которое несет ответственность.

Пространственное развитие страны невозможно без появления трех новых индустрий: единой индустрии создания магистральной и внутриплощадочной инфраструктуры, индустрии эксплуатации, ремонта и реконструкции жилого фонда и индустрии малоэтажного жилищного строительства. Задача первой индустрии – преодоление инфраструктурного отставания. Задача второй индустрии – создание альтернативы тотальному сносу и новому строительству в виде умной, не травмирующей реконструкции. Задача третьей индустрии – создание более комфортной, эффективной и безопасной альтернативы квартирному жилью и скорейшее решение жилищной проблемы. Создание этих индустрий

– это создание новых рабочих мест и возвращение хозяйственной активности туда, где она отсутствовала десятилетиями.

Идея приведения модели пространственного развития в соответствие с «естественными» и понятными нормами может спровоцировать появление новых институтов вроде цифрового двойника национального пространства всех уровней, от общенационального до местного. Разбитый на ряд слоев, вбирающий все, что принадлежит генсхемам, территориальным планам, генпланам, ПЗЗ и т. д., и т. п., этот двойник отразит реальное состояние и динамику происходящего, устранил противоречия и белые пятна, подаст своевременный сигнал и предложит линейку корректирующих и управляющих решений с оценкой последствий.

Литература

1. Боков, А. Три утопии (памяти СССР посвящается) // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 37–41
2. Боков, А. Три утопии (памяти СССР посвящается) // Проект Байкал. – 2020. – № 63. – С. 138–141
3. Меерович, М. Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. – Новое литературное обозрение. Серия «Studia Urbanica», 2018. – 352 с. : ил.
4. Меерович, М. Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1926–1932 гг. (Концепция социалистического города – формирование населенных мест нового типа). – Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2008. – 472 с. : ил.
5. Вебер, М. Город. – Москва : Strelka Press, 2017. – 352 с.

References

- Bokov, A. (2019). Three Utopias (Dedicated to the Memory of the USSR). Project Baikal, 16(62), 37-41. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1539>
- Bokov, A. (2020). Three Utopias (Dedicated to the Memory of the USSR). Project Baikal, 17(63), 138-141. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.63.1609>
- Meerovich, M. G. (2008). Rozhdenie sotsgoroda. Gradostroitelnaya politika v SSSR. 1926-1932 gg. (Konseptsiya sotsialisticheskogo goroda – formirovanie naseleennykh mest novogo tipa) [The birth of the socialist city. Urban planning policy in the USSR. 1926-1932. (A concept of the socialist city, formation of a new type of settlements)]. Irkutsk: izd-vo IrGTU.
- Meerovich, M. G. (2018). Gradostroitelnaya politika v SSSR (1917-1929). Ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku [Urban planning policy in the USSR (1917-1929). From the garden city to the departmental workers' settlement]. In Novoe literaturnoe obozrenie. Seriya "Studia Urbanica".
- Weber, M. (2017). Gorod [The city]. Moscow: Strelka Press.